

**ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ ОБРАЗА УКРАИНСКОГО ГЕТМАНА В
МОНОГРАФИИ НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА «МАЗЕПА»: К 130-ЛЕТИЮ ЕЕ
ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ БЕСЕДА»**

Розглянута трактовка образу гетьмана І.С. Мазепи видатним істориком М.О.Костомаровим у монографії «Мазепа» та значення цієї трактовки для сучасної української історіографії.

Ключові слова: *монографія, М. Костомаров, гетьман Мазепа, ідейна позиція, малоросійський народ, Україна, клятвовідступництво, анафема, націоналізм.*

Сто тридцать лет минуло с того дня, когда один из титанов исторической мысли XIX в. Николай Иванович Костомаров опубликовал, за три года до своей смерти, на русском языке в популярном в то время журнале «Русская беседа» одно из своих самых блистательных научных исследований – монографию «Мазепа» [1]. С тех пор не прекращается поток печатных отзывов об этом уникальном труде русско-украинского ученого историка и археолога, фольклориста и этнографа, поэта и просветителя Николая Костомарова (псевдонимы – Иеремия Галка, Иван Богучаров).

Интерес к монографии, как русских, так и украинских, а также зарубежных исследователей связан, прежде всего, с именем гетмана Украины Ивана Степановича Мазепы, а также в связи с изучением в разные эпохи творчества автора монографии. Таких отзывов-исследований очень много. Однако все их можно поделить всего на две категории: на те, в которых их авторы в основном солидарны с Н.И. Костомаровым в оценке образа исторического деятеля гетмана Мазепы, другие, перекручивая скрупулезно обоснованные Костомаровым факты из жизни гетмана, стараются видеть в Мазепе только положительные черты характера и выдают его героем украинской нации, стремящегося «поправить» деяния Богдана Хмельницкого и «освободить малороссов» от «ненавистного московского ига», наконец, создать подлинно независимое украинское государство.

Обсуждение сегодня данной проблемы, на наш взгляд, крайне актуально в связи с обретением в 1991 году Украиной подлинной независимости. За 20 минувших лет украинская историческая наука претерпела значительные превращения от полного признания идеи создания Н.И. Костомаровым монографии «Мазепа» и ее нелицеприятных выводов относительно личности гетмана до псевдонаучных оценок уникального научного труда историка XIX в.

Вплоть до последнего времени, как свидетельствует доктор исторических наук Б.Г. Литвак, можно было наблюдать хотя и парадоксальное, «но трогательное единство в оценке идейных позиций Костомарова советских историографов и зарубежных националистов» [2, с. 12]. Для подтверждения этой мысли Б.Г. Литвак сослался на исследование, выпущенное в 1967 г. издательством Мичиганского университета, с характерным названием: «Николай Иванович Костомаров: русский историк, украинский националист,

славянский федералист». А семью годами раньше в СССР в издательстве «Наука» вышел второй том «Очерков истории исторической науки», в котором напечатано: «Костомаров вошел в историографию в первую очередь как выразитель взглядов и интересов зарождающегося украинского буржуазно-помещичьего национализма» [3, с. 146]. Как видим, правы те, кто утверждает: крайности часто сходятся.

Вместе с тем, начиная с 90-х годов XX века., т.е. с момента обретения Украиной независимости, появилась новая тенденция как в трактовке содержания монографии Костомарова, так и трактовке образа Мазепы, что явно прослеживается в сборнике «Мазепа», опубликованного в Киеве в 1993 г. [4]. Цель сборника – вызвать у читателя сомнения в трактовке Костомарова образа Мазепы как злодея, плута. В предисловии к сборнику, его составитель Ю.А.Иванченко объяснил: «Вже сама побудова його на протиставленні вочевидь пропетровської духом, хоч і не позбавленої цікавих подробиць, повісті В. Готвальда з відверто антимосковською, позначеною емоційністю працею В. Будзиновського та історично виваженою розвідкою І. Борщака допоможе збагнути, хто ж такий Іван Мазепа – чи ворог України, чи її вірний син і заступник; чи йшов він «супроти» України, чи супроти московського царя. Отоді, може, й виникне в них не мимовільне до нього «спочуття», а справжнє, а відтак і щире й неупереджене ставлення до теперішньої боротьби демократичних сил України за незалежність» [4, с. 5].

Из этого следует, что борьба «демократических сил Украины» должна разворачиваться под знаменем гетмана Мазепы. Возникает вопрос, о каких «демократических силах» идет речь? О тех, кто очерняя и принижая фундаментальные исследования Николая Костомарова, в спешном порядке, начиная с 90-х годов XX в., начали переиздавать труды, «... начиная от основоположника националистической украинской историографии В.Б.Антоновича, не говоря уже о далеком от науки Ф.М. Уманце, авторе апологетического писания «Гетман Мазепа» (СПб., 1897), которое было блистательно раскритиковано выдающимся украинским историком XIX в. А.М.Лазаревским. «Несмотря на это, - заключает доктор исторических наук Б.Г.Литвак, эстафету Ф.М. Уманца подхватили некоторые современные публицисты» [3, с. 13].

На наш взгляд, к таким публицистам в первую очередь следует отнести Юрия Мыцька, выпустившего в 2007 г. пустословную книгу «Іван Мазепа» [6]. Уже первые строки этого «науково-популярного видання» свидетельствуют о заведомо ложном представлении о Мазепе как о «Великом Українці». «Ім'я Великого Українця – гетмана Івана Мазепи, - пише Ю. Мыцьк, - відомо практично кожному громадянину України вже хоча б тому, що його портрет уміщено на десяти гривневій банкноті» [6, с. 3]. Уместно спросить этого «бойкого популяризатора», по воле кого был размещен портрет Мазепы на денежной банкноте? Был ли проведен по этому поводу референдум в Украине? На эти вопросы Ю. Мыцьк никогда не даст ответа, потому что подымать полемику по этим вопросам, а тем более проводить референдум не безопасно для Ю. Мыцька и К°. Принимаясь за свой «науково-популярний» труд, он

обязан был знать о такой «популярности» «Великого Українця» среди украинского народа, о которой Николай Костомаров глубоко обоснованно отозвался так: «Память о Мазепе не испарилась совершенно в народе, но осталась никак не в привлекательном виде. В народных песнях и преданиях - это какое-то злое и враждебное существо, это даже не человек, а какая-то лихая, проклятая сила: «Проклята Мазепа!» [1, с. 323]. Видимо зная об этом, Ю.Мыщук в своей «научовой книге» не сослался ни на один подлинный исторический источник «народной любви» к Мазепе.

Отсюда вытекает цель нашего исследования – проанализировать отзывы представителей народа о Мазепе и самого Мазепы об украинском народе, которые привел, основываясь на подлинных письмах гетмана, Костомаров в своей монографии. И сколько бы ни проходило времени со дня ее опубликования, сколько бы «мыщыков» и «брехуненков» не обеляли гетмана-предателя, в народном сознании он навсегда останется злодеем.

Перечитывая «Мазепу» Костомарова, поражаешься смелости автора, рассмотревшего такие острые вопросы, как взаимоотношения украинского и русского народов в самое трагическое для них время – в начале XVIII века во время Северной войны Российской империи со Швецией. И невольно возникает вопрос, кто он – автор такого глубоконаучного труда и в тоже время смелого в оценках политики не только украинской гетманщины, но и царского самодержавия? Откуда он родом и какого племени? Ответы на эти и другие вопросы проясняют идейные позиции автора «Мазепы», его концепцию историографии.

Родился Николай Иванович Костомаров 4 мая 1817 г. в слободе Юрасивка Острогоржского уезда Воронежской губернии. Его семья была смешанной по составу происхождения. Это определило значительное влияние на судьбу будущего историка, в частности на формирование его взглядов, так же как и место рождения, где, по словам Костомарова, великорусская и малорусская народности находятся между собой рубежами [7, с. 7]. Таким образом мировоззрение и взгляды выдающегося ученого формировались на стыке двух этнокультурных традиций – русской и украинской. Его отец Иван Петрович Костомаров был дворянином-помещиком, потомком казаков-переселенцев; молодым он служил в русской императорской армии, затем вышел в отставку в звании капитана. Мать – Татьяна Петровна Костомарова (девичья фамилия Мыльникова) – дочь крестьянина Петра Мыльникова, украинца по происхождению, бывшая крепостная [7, с. 7]. До 1812 г. училась в одном из московских пансионов, куда ее устроил будущий муж. Родители обвенчались после рождения Николая Костомарова, которого отец И.П. Костомаров собирался, но не успел усыновить, т.к трагично погиб в 1828 г. Николай, рожденный до брака, оставался в крепостной зависимости до 1832 г., когда благодаря невероятным усилиям и материальным жертвам матери получил желанную волю.

После окончания в 1833 г. Приватного пансиона в Воронеже Н. Костомаров поступил на филологический факультет Харьковского университета, где проявились его блестящие способности в сфере

гуманитарных наук. В 1836 г. он окончил университет в звании действительного студента, а в январе 1837 г. сдал экзамены на степень кандидата. С того времени проявились его исследовательские наклонности.

Важно сегодня напомнить, что Н. Костомаров вместе с Великим Кобзарем Т.Г. Шевченко был идеологом Кирилло-Мефодиевского общества, выступавшим как национально-освободительным и демократическим объединением. Однако Костомаров не был ни русофобом, ни полонофобом, ни украинским националистом. «Он был человеком, глубоко верящим в необходимость братского единения всех славянских народов на демократических началах» [2, с. 6], что ярко прослеживается и в трактовке образа гетмана Мазепы.

В разговоре с Борисом Михайловым (царский посланник, дьяк – прим. наше. – Н.Е.) Мазепа сознавался, «что его многие не любят и считают поляком, способным изменить царской державе» [1, с. 49]. На странице 53 монографии Н. Костомарова читаем: «Скорбно мне то, - уверял Мазепа царского гонца Языкова, - что злые люди из малороссийских жителей клеветуют на меня, будто я служу великим государям неправдою, будто думаю изменить и передаться польскому королю в подданство» [1, с. 55].

Следуя далее за рассуждениями Н. Костомарова, понимаем, что Мазепа действительно был истый поляк по своему польскому воспитанию и шляхетскому происхождению, но раз, отступивши от Польши к казачеству, он сделался гетманом, получил в казачестве такую высокую степень, которая ставила его, как он сам о себе выражался, мало меньше польского короля; обласканный московским правительством, не имея притом повода опасаться прекращением к себе доверия, Мазепа ничем не мог быть побуждаем к измене: польская сторона не была могущественна, а московская слишком слаба. «Мазепа, - констатирует Н. Костомаров, - не был еще тайным врагом русского царя и русской державы, потому что это не представляло ему никаких выгод» [1, с. 54.].

Кроме крупных врагов, как Михайло Василевич и Полуботка, гетману досаждали другие, не столь важные люди. Их было много. «Явился еще врагом гетмана, - сообщает Н. Костомаров, - некто Михайло Чалиенко. Родом он был из Черкасс, немалое время находился в татарской неволе, после освобождения явился в Киев и подал донос на гетмана в таком же смысле, как подавились и прежние доносы: гетман по природе поляк и желает отступить от державы великих государей под польскую власть; в этих видах он приобретает себе заранее маетности в польских владениях и просил зятя своего Войнаровского, земского старосту владимирского, селить людей в селе Мазепичах (Мазепинцах), где родился Мазепа» [1, с. 55].

Вскоре, в 1691 году, явился в Киеве другой «пасквиль» на гетмана. Его принесла в киевский Фроловский девичий монастырь неизвестная монахиня из польских владений. В этом новом «пасквиле» говорилось почти то же, что и в прежнем: «... что Мазепа некогда продавал бусурманам христиан в рабство, что, достигши гетманского сана, злоумышлял, вместе с князем Голицыным, на жизнь царя Петра, что в Польше, с целью истребления православных церквей и

православной веры, и что, подготавливаясь к этому исподволь, он покупает для сестры своей маетности в польских владениях» [1, с. 56].

Этот «пасквиль» не мог повредить гетману, как и прежние, но Мазепа, как сообщает Н. Костомаров, «... немало тревожился такими выходками против себя и так изъяснялся в своих отписках в Приказ, обращенных к лицу государей: «Истинно радетельная служба моя не точию в нерадетельство, но и в злое клятвоотступничество превращается» [1, с. 56]. Московское правительство не только угождало гетману, показывая недоверие ко всем обвинениям, так обильно сыпавшимся против него, но оказывало милости родным его и всем, за кого он ходатайствовал. «Выпрашивая от московского правительства милости монастырям, гетман, - утверждает Н. Костомаров, - перед тем воздвигал на собственный счет храмы в этих же монастырях. В 1690 году построена была его иждивением соборная церковь в Николаевском монастыре, а в 1693 году воздвигнута Богоявленская Каменная церковь в Братском монастыре и сооружен старый Каменный академический корпус» [1, с. 58].

Следует указать, что несметное богатство гетман нажил благодаря искренним заботам о нем Петра I. Любой шаг Мазепы по защите интересов московского правительства не только щедро одаривался царем соболями, разнообразной золотой утварью, золоченым именованным оружием, но и целыми поместьями. «Государь прислал Мазепе похвальную, а Мазепа, - сообщает Н. Костомаров, - пользуясь этим, через присланного к нему царского посла, дьяка Виниуса, выпросил у царя себе местечко Ямполь, недалеко от Севска, с тем чтобы в случае его смерти его вдове и племяннице был бы приют с их пожитками» [1, с. 88]. Хотя к тому времени Мазепа имел большое число поместий, получая с них колоссальные доходы, так что затраты на возведение церквей и учебных заведений составляли ничтожную долю затрат, если учесть, что переметнувшись на сторону Карла XII, он в конце жизни практически финансировал расходы короля и его войска.

Однако до той поры между Петром I и гетманом устанавливались такие отношения, что Мазепа стал пользоваться не только уважением, «но и любовью и полным доверием к себе царя Петра I» [1, с. 93]. Всех из народа, кто «разоблачал» Мазепу, царские сатрапы передавали в руки гетмана, который их жестоко казнил. Такая участь постигла и ближайшего сотрудника гетмана – писаря Кочубея. Стародубец Сусла подал Киевскому губернатору донос на гетмана в таком же духе, в каком подавались на него и прежде доносы. «Мазепа – не русский человек, а поляк, расположен больше к Польше, чем к России, сносятся с панами и с королем о том, как бы Украину подвернуть снова под власть Польши...» [1, с. 96].

Суслу арестовали в Москве. И прежде, как мы видели, не доверяли таким доносам; теперь же, когда царь Петр I был особенно доволен гетманом, его положение в виду всяких доносов становилось еще крепче. «К гетману, - пишет Н. Костомаров, - послали похвальную грамоту и подарки, состоявшие в соболях, ценою на 1000 рублей, в кусках материи – атласа, бархата, бейберека, и в разных столовых припасах (ренское вино, лимоны, рыбы и прочее). Разом посланы подарки старшинам и полковникам, состоявшие в объях, атласах,

камках и соболях [1, с. 97]. Жалкого Суслу препроводили к гетману, который подверг его истязаниям.

Ничто не подрывало царской благосклонности к гетману. «В 1703 году в январе гетман отправился в Москву по царскому приглашению с 48 особами. В этот раз ему оказали прием, превосходивший ласковостью прежде бывшие приемы. Гетману заявили признание за ним заслуг, оказанных в течение тринадцати лет сряду, и важности его успешных действий в войне против турецкого султана и крымского хана, в особенности же его подвигов над Днепром, когда были покарены пять турецких городков и взято множество пленных. «За это за все, - сообщает Н. Костомаров, - государь возложил на гетмана только что установленный орден св. Андрея Первозванного. Мазепа был вторым, получившим этот орден после Головина» [1, с. 113].

Хорошо чувствуя несколько предвзятое отношение Москвы к малороссиянам, Мазепа в своих письмах в Приказ всячески укреплял такое отношение. «В одном из тогдашних донесений гетман огулом весь малороссийский народ обвинял в легкомысленности и шатании» [1, с. 117]. Как видим, Мазепу давно уже ненапрасно выходцы из казачьей среды обвиняли в склонности отдать Украину Польше. Но вот в конце 1703 года Батуриным к гетману из Москвы был прислан «доносчик», который первым «подал сигнал» о том, что Мазепа «сносится со сторонниками шведского короля в Польше; но царь, - подчеркнул Н. Костомаров, - не верил никаким доносителям и прямо отсылал их к гетману» [1, с. 143].

В свою очередь Мазепа огульно очернял малороссийский народ. Вот что он писал в Москву: «Поляки хотят выбрать себе в Короли сына Собеского и начать войну с Россиею. *Наш народ глуп и непостоянен; он как раз прельстится: он не знает польского поведения, не рассудит о своем упадке и о вечной утрате отчизны, особенно когда будут производить смуту запорожцы. Пусть великий государь не слишком дает веру малороссийскому народу, пусть изволит, не отлагая, прислать в Украину доброе войско из солдат храбрых и обученных, чтоб держать народ малороссийский в послушании и верном подданстве*» [1, с. 144]. (Курсив здесь и далее наш. – Н.Е.). Если гетман так оценивает свой народ перед царским престолом, то как же должно оценивать его московское правительство?! Даже последующие строки этого послания гетмана, в которых как бы проявляется его забота об этом народе, не снижает плохого впечатления о выше приведенном отзыве Мазепы об украинском народе. «Нужно, однако, - продолжает гетман, - с нашим народом обращаться человеколюбиво и ласково, потому что если такой свободолюбивый, но простой народ озлобить, то уже потом трудно будет суровостью приводить его к верности» [1, с. 144]. То есть, в любом случае этот народ придется приводить к верности. Во всем послании нет и намека о предоставлении малороссийскому народу необходимых прав и свобод. Зато вновь Мазепа клянется в верности царскому престолу до гробовой доски: «Я, гетман и кавалер, *хочу служить верно, до конца живота моего царскому пресветлому величеству, Как обещал пред святым Евангелием, и непрестанно пекусь о содержании Украины без колебания...*» [1, с. 144].

На протяжении всей монографии Н. Костомаров, опираясь на подлинные источники, факты, рисует образ Мазепы как авантюриста, постоянно взвешывающего, кто на данный момент могущественнее: польский король, царь Петр I или Карл XII? В один из таких моментов ему показалась, что в Северной войне осилит Москву Швеция. И Мазепа, очертя голову, преследуя лишь свои амбиции, переметнулся с небольшой частью казаков к Карлу XII, втоптав в грязь полное доверие Петра I и его глубокую в него веру и любовь. На взгляд Н. Костомарова, гетману была чужда всякая национальная идея. Он всегда был готов служить тем, кто обеспечивает его ненасытное стремление к богатству и власти до тех пор, пока это ему, Мазепе, лично выгодно.

Из текста монографии проясняется, что гетман вовсе не предатель украинского народа, ибо никогда не был представителем народных интересов (во всех правдивых доносах он поляк по интересам и воспитанию), он предатель вообще, по складу своего характера; и в то же время человек незаурядный в своем умении войти в доверие вначале к польскому королю, затем московским царям и царедворцам и, наконец, к Карлу XII. Так что Мазепа был не родоначальником украинской национальной идеи, как об этом громогласно шумят современные апологеты Мазепы, а «... образчиком той известной категории авантюристов феодальной поры, которые, преследуя свою выгоду, часто меняли своих сюзеренов» [2, с. 14].

Украинский народ в ту эпоху не принимал гетмана Мазепу за «своего», с точки зрения современных украинских националистов, «освободителя». «Народ, - сделал правильный вывод Н. Костомаров, - инстинктивно почуял ложь в тех призраках свободы, которые ему выставляли. Он уже и прежде лучше самого Петра I и его министров раскусил своего гетмана, считал его ляхом, готовым изменить царю с тем, чтоб отдать Украину в рабство Польше. Никакие уверения изменника, - подчеркнул автор монографии, - никакие лживые обвинения, рассыпаемые им на московские власти, не переменили к нему народной антипатии. Народ инстинктивно видел, что его тянут в гибель, и не пошел туда. Народ остался верен царю даже не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно было выбирать меньшее. Как бы ни тяжело было ему под гнетом московских властей, но он по опыту знал, что гнет польских панов стал бы для него тяжелее. Под русскую власть, по крайней мере, оставалось для него всегда духовное утешение – вера его отцов, которую никак уже не могли бы попить «москаля», как бы ни относились они ко всем остальным народным правам. Этого одного, - заключил Н. Костомаров, - уже было достаточно» [1, с. 322].

И вот парадокс: именно вера, Православная церковь, на Евангелии контрой клялся Мазепа, не спешат «реабилитировать» гетмана, как это пытался сделать экс-президент Ющенко. Анафема, наложенная на гетмана 12 ноября 1708 года Православной российской церковью после его госудаорственной измены, остается, а значит всенародным героем Мазепа никак не может быть, что, на наш взгляд, не исключает того, что этот вопрос компетентными канонистами и

историками может быть рассмотрен в будущем при условии, если вокруг фигуры Мазепы улягутся политические, а тем более националистические страсти.

Таким образом монография Н.И. Костомарова «Мазепа», спустя 130 лет, остается превосходным научным трудом, в котором приведены подлинные факты из подлинных документов из архивов России, Украины, Швеции, Германии, Франции, Италии и Австрии, что и позволило крупному правдивому ученому-историку сделать соответствующий вывод: гетман Мазепа – злодей. И это трудно сегодня опровергнуть, что испытал и исследователь из г. Чернигова С.О. Павленко, написавший шесть книг² о гетьмане Мазепе, которые вышли в свет в течение последних семи лет (2003 – 2010 гг.). Задача перед ним стояла та же – показать гетмана революционером, стремящегося освободить Украину от московского ярма, строителем новой украинской культуры. С таких идейных предвзято националистических позиций можно написать и сотни книг, но все они будут занятием исторически не оправданным, если учесть, что, как сообщает Н. Костомаров, этот «революционер» добровольно из-за своей личной выгоды преклонил колена перед шведским королем Карлом XII (по сути захватчиком части территории Украины) и вместе с его огромным войском вторгся аж в Полтавские земли, где и получил «по заслугам» не только от московского войска, но в большей мере от украинских казаков-патриотов, неустанно потом преследующих наголову разбитых под Полтавой Карла и Мазепу.

Н. Костомаров доказательно показал, что злодейство по отношению к своему народу, клятвоотступление жестоко наказуемы, о чем свидетельствует скорая бесславная кончина Мазепы вдали от земли родной, хотя и с бочками золота. Понятно, что загнал туда гетмана не Петр I, который его любил, на которого царь надеялся как на «доблестного рыцаря», а он сам. В случае победы шведов, Мазепа рассчитывал на еще большие богатства и милости от другого сюзерена – Карла XII. Вот и вся, по-костомаровски, суть украинского «героического революционера».

В дальнейших исследованиях мы считаем целесообразным проанализировать на основе монографии Н. Костомарова взаимоотношения Мазепы с ближайшим его окружением и показать внутренний мир гетмана.

Литература

1. Костомаров Н.И. Мазепа / Н.И. Костомаров. – М.: Республика, 1992. – 335 с. [Отпечатана по изданию: Собрание соч. Н.И. Костомарова: Исторические монографии и исследования. Кн. в Т.16. СПб., 1905.]
2. Б.Г. Литвак «Гетман – злодей» / Литвак Б.Г. – Вступ. статья к монографии Н.И. Костомарова «Мазепа». – М.: Республика, 1992. – С. 3-16.
3. Очерки истории истерической науки. Т. 2. – М.: Наука, 1960.
4. Мазепа: Збірник / Передм., упоряд. тексту й іл., комент. Ю.І. Іванченка. – К.: Мистецтво, 1993. – 240 с.: іл.

² 1. Иван Мазепа. – К.: Видавничий дім «Альтернативи», 2003. – 315с.,
 2. Оточення гетьмана Мазепи: соратник та прибічники. –К.: Видавничий дім «Альтернативи», 2004. – 604 с.
 3. Иван Мазепа, як будівничий української культури. – К.: Видавничий дім, «КМ Академія», 2004. – 304 с.
 4. Коханья гетьмана Мазепи. – Чернігів: ПП «Вид-во «Русь», 2008. – 112 с.
 5. Восстание мазепинцев: мифы и реалии. – Чернигов: «Русь», 2008. – 112 с.
 6. Зображення гетьмана І. Мазепи. – Чернігів: Изд. Лозовой, 2008. 144 с.

- 5.Юрій Іванченко. Від упорядника / Іванченко Юрій // Мазепа: Збірник / Передм., упоряд. тексту й іл., комент. Ю.І. Іванченка. – К.: Мистецтво, 1993. – С. 5-8.
- 6.Мицик Юрій. Іван Мазепа. – К.: видавець: ПП. Наталія Брехуненко, 2007. – 72 с.
- 7.Толочко П. Видатний історик України і Росії / П. Толочко // Київська старовина. – 1992. - № 5. – С. 7-14.

Евдокимов Н.А. Об исторической трактовке образа украинского гетмана в монографии Николая Костомарова «Мазепа»: к 130-летию ее публикации в журнале «Русская беседа».

Рассмотрена трактовка образа гетмана И.С. Мазепы выдающимся историком Н.А.Костомаровым в монографии «Мазепа» и значение этой трактовки для современной украинской историографии.

Ключевые слова: монография, Н. Костомаров, гетман Мазепа, идейная позиция, малороссийский народ, Украина, клятвоотступление, анафема, национализм.

Evdokimov N.A. About historical interpretation of personality of Ukrainian hetman in the monograph of Nicolay Kostomarov «Mazepa»: to the 130 year of its publication in the magazine «Russian conversation».

The interpretation of personality of hetman I.S. Mazepa by the outstanding historian N.A.Kostomarov in his monograph «Mazepa» and value of this interpretation for modern Ukrainian historiography are considered.

Keywords: monograph, N. Kostomarov, hetman Mazepa, ideological position, malorossiysky people, Ukraine, oathretreating, anathema, nationalism.

Євдокимов Микола Олександрович – доктор історичних наук, завідувач кафедри історії України Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля.

Рецензент: **Михайлюк В.П.**, док. істор. наук, професор.

Стаття подана
14.02.1012